

ПРАВДА О МОЕЙ БАБУШКѢ¹⁾.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

IV.

Эпизодъ съ ключомъ отъ шкатулки.—Извѣстіе о новомъ завѣщаніи.—Разговоръ графини съ Брокеромъ.

О СМЕРТЮ графа Ростопчина для вдовы его началась новая эра, эра свободы духовной и полная возможность располагать богатствомъ усопшаго на благо католичества и его служителей. Аббаты должны были торжествовать; еле терпимые доселѣ въ палатахъ вполнѣ русскаго православнаго боярина, они теперь сдѣлались полнѣйшими господами въ домѣ, властелинами ума и сердца благочестивой вдовицы и должны были сдѣлаться наставниками ея младшаго сына, которому минуло двѣнадцать лѣтъ въ октябрѣ 1825 года. Графиня Екатерина Петровна знала, что въ 1811 году мужъ ея сдѣлалъ духовную, которою передавалъ все свое состояніе въ ея распоряженіе. О существованіи второй духовной она не подозрѣвала и ликовала. Первою каплею горечи въ чашѣ меда, которой она упивалась, явилось слѣдующее обстоятельство.

27-го декабря, послѣ соборованія, думая, что наступилъ его конецъ, графъ Ѳеодоръ Васильевичъ, простившись со всѣми, досталъ изъ стола ключъ отъ шкатулки, въ которой хранились

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСV, стр. 50.

деньги, брильянты, важные бумаги и завѣщаніе его, и при женѣ и Булгаковѣ передалъ этотъ ключъ Брокеру со словами:

— Прощайте. Я умираю, друзья мои. Адамъ Ѳомичъ, возьми ключъ этотъ; ты знаешь, что тебѣ надо сдѣлать. Бумаги мои съ Булгаковымъ разбери, приведи въ порядокъ. Когда Андрюша будетъ совершеннолѣтній, ему ихъ отдадите.

Адамъ Ѳомичъ? Зачѣмъ Адаму Ѳомичу, когда законная жена и мать Андрюши стояла тутъ же? [Какое оскорбленіе! Но, какъ благочестивая жена, графиня молча стерпѣла обиду и развѣ только намекомъ на разбойника, распятаго со Христомъ, дала понять, за какого великаго грѣшника считала она мужа, пребывавшаго въ православіи, когда сама она уже прозрѣла и хотѣла просвѣтить его. По той же причинѣ не любила она и А. Я. Булгакова и, вѣроятно, очень обрадовалась его отказу отъ опекуинства, представивъ это трудное дѣло зятю покойнаго, Нарышкину, жившему постоянно на югѣ, и Брокеру. Съ вѣчно отсутствующимъ зятемъ она надѣялась легко справиться, а съ Брокеромъ ей казалось, что и разсуждать много не стоитъ: мелкая сопка, а за нею стоитъ цѣлый сонмъ живыхъ аббатовъ да католическихъ святыхъ съ Іозофатомъ Кунцевичемъ во главѣ ¹⁾. Ободренная этою мыслью, она на другой же день послѣ кончины мужа послала за Брокеромъ и надменно приказала ему отдать ей ключъ отъ шкатулки. Привожу дословно разговоръ, происшедшій по этому поводу между ними.

— Если бы ключу быть у васъ, — говорилъ Брокеръ, — графъ передалъ бы его вамъ, а не мнѣ. Вы были тутъ же съ нами въ комнатѣ.

— Есть нѣкоторыя бумаги, которые я хочу сжечь.

— Я до этого васъ не допущу. Графъ былъ такъ уменъ и такъ готовился къ смерти, что онъ зналъ, чему надо оставаться и чему нѣтъ. Волю его я исполню, все будетъ сохранено для Андрея Ѳедоровича.

— Да тутъ есть множество французскихъ бумагъ, коихъ вы не понимаете, и брани на французовъ.

— Французскія бумаги разберетъ Александръ Яковлевичъ, и если графъ бранилъ французовъ, то сдѣлалъ хорошо: они были

¹⁾ Я забѣгаю немного впередъ. Кунцевичъ не былъ еще тогда присоединенъ къ лику святыхъ. Разрѣшительную буллу далъ ему при вступленіи на папскій престолъ папа Пій IX. Но заслуги его давно были признаны: отъ него погибло больше схизматиковъ, чѣмъ во все остальное время избіенія ихъ въ Польшѣ. Извѣстно, что въ Вислѣ погибло столько православныхъ, сколько было въ ней волнъ. Одно воспоминаніе о св. Іозофатѣ Кунцевичѣ способно свѣять съ души каждое попятное къ обращенію изъ православія въ католичество для чловѣка, сколько нибудь знакомаго съ исторіей русскопольскихъ отношеній.

нашими злодѣями, они сократили жизнь графа, пустивъ ядъ въ его семью.

— На свѣтѣ одна только вѣра—католическая, нѣтъ безъ нея спасенія.

— И вы смѣете, графиня, это утверждать? Развѣ вы не видѣли, съ какою твердостью, съ какимъ умиленіемъ и спокойствіемъ умиралъ графъ? Дай Богъ вамъ такъ умереть въ вашей вѣрѣ!

— Въ Андрюшино воспитаніе никто не долженъ вмѣшиваться.

— Это рѣшить духовная графа.

— Она мнѣ извѣстна.

— Не можетъ быть, графиня. Графъ Ѳеодоръ Васильевичъ недавно уничтожилъ прежнюю и сдѣлалъ новую. (Графиня была ошеломлена этими словами). Что же касается до Андрея Ѳеодоровича, къ нему будетъ ходить духовникъ его покойнаго отца, а къ обѣднѣ онъ будетъ ходить съ Метаксой.

— Все, что вы говорите, для меня крайне непріятно.

— Сожалѣю, графиня, но эти непріятности я буду повторять каждый день. Покуда ноги мои двигаются, и я дышу, воля графа будетъ исполнена; она и за предѣлами гроба будетъ мой законъ. Я оправдаю его довѣріе, праха его не оскорблю.

— Вы меня не знаете, я воспитывала одна всѣхъ нашихъ дѣтей.

— Чѣмъ же вы хвастаетесь? Изъ Сергѣя Ѳеодоровича вы сдѣлали развращеннаго негодяя, посрамившаго имя Ростопчиныхъ¹⁾. Вы воспользовались неопытностью вашихъ дочерей, чтобы обратить ихъ въ католичество. Вы заставили ихъ нарушить первую заповѣдь христіанства—вѣрность своей ретигіи. Вы и изъ Андрюши сдѣлали повѣсу и баловня, исполняя во всемъ его волю, и что же вышло? Онъ васъ ни во что не ставитъ и не слушаетъ васъ ни въ чемъ.

— Дочери мои сами обратились, про это зналъ мой мужъ²⁾. Я не неволила. Наташа осталась православной.

— Кому вы это говорите, графиня? Графъ молчалъ для избѣжанія ссоръ, соблазна, явнаго разрыва съ вами. Наталья Ѳеодорвна своею твердостью сдѣлала всѣ ваши усилія тщетными, и вамъ извѣстно, что именно за это и была всегда любимой дочерью

1) Сергѣй Ѳеодоровичъ сидѣлъ за долги въ парижской тюрьмѣ Мазасъ. Отцу надѣло за него платить, и онъ не препятствовалъ его заключенію, но позоръ этотъ причинилъ много горя графу, и Брокеру все это было извѣстно.

Авт.

2) Графъ такъ мало про это зналъ, что не повѣрилъ извѣстію, увы, слишкомъ неоспоримаго причащенія умирающей дочери по католическому обряду, и обращался къ митрополиту съ просьбой похоронить ее по-православному. Не удивительно, что на первыхъ порахъ и Брокеръ съ Булгаковымъ полагали, что покойницу обратили въ католичество раньше. Подробности всплыли наружу только впоследствии, а тогда все это было еще тайной.

Авт.

графа. Всѣ знаютъ, что перемѣна вѣры заставила васъ выдать Софью Оедоровну за француза. Что же касается до Лизаветы Оедоровны, то вы и передъ смертью причащали ее тихонько отъ графа. Онъ это узналъ поздно и отъ этого теперь въ гробу.

(Это говорилъ ближайшій другъ графа! Какое страшное обвиненіе!)

Брокеръ продолжалъ:

— Не заставляйте меня высказывать вамъ другія истины, не заставляйте меня забывать, чья вы супруга.

Тутъ графиня ему сухо поклонилась и объявила, что будетъ говорить съ Булгаковымъ.

Но свиданіе съ этимъ послѣднимъ принесло ей мало утѣшенія: Булгаковъ нашелъ, что Брокеръ поступилъ, какъ честный человѣкъ, и хорошо сдѣлалъ, что далъ такой твердый отпоръ графинѣ, которая ему стала ненавистна своимъ отсутствіемъ на похоронахъ мужа и благодѣтеля, какъ онъ называетъ дѣда по отношенію къ его женѣ. Ему было извѣстно, какимъ было для графа нравственнымъ ударомъ ея отступничество, какъ она мучила его своими капризами, хотя и пріобщалась каждый день св. тайнъ. «Это даже, мнѣ кажется, грѣшно,—писалъ онъ брату. Но аббатъ Малербъ говорилъ, что «ни въ чемъ не можетъ отказать графинѣ, потому что она благодѣтельница ихъ церкви». «Каждый день даетъ она киркѣ 25 рублей. Называетъ себя христіанкой, а не заставила себя любить ни мужемъ, ни дѣтьми, ни родными, ни знакомыми. Лучше дѣлать счастье окружающихъ, чѣмъ всѣхъ ругать, учить, все хулить и порочить. Я, право, увѣренъ, что она помѣшана: цѣлый вѣкъ утверждаетъ софизмы и парадоксы. Замѣтъ, что всѣ наши католички таковы. Надо спасти Андрюшу, вырвать его изъ ея когтей. Онъ скоро будетъ ее бить, а она съ христіанскимъ умиленіемъ будетъ подставлять другую щеку. Онѣ только и ищутъ, что славы и мученическаго вѣнца».

V.

Отвращеніе графа Оедора Васильевича къ подаркамъ. — Выборъ графиней князя Масальскаго въ совѣтники, аббата Малерба въ духовные руководители и шевалье д'Инзара наставникомъ для сына и управляющимъ своихъ имѣній. — Просьба объ уничтоженіи завѣщанія. — Письмо графа Оедора Васильевича къ императору Павлу и отвѣтъ государя. — Кто мнѣ это доставилъ.

Графъ Ростопчинъ завѣщалъ Булгакову часы Брегета. Заказанные въ Парижѣ какимъ-то англичаниномъ и не взятые, часы эти были пріобрѣтены графомъ за три тысячи франковъ. Знакомые Александра Яковлевича находили подарокъ этотъ смышкомъ незначительнымъ, но графъ былъ врагъ подарковъ, самъ никому ихъ не дѣлалъ и отказывался, когда ихъ ему хотѣли дѣлать.

Такимъ образомъ отказался онъ отъ острова (кажется, Крестовскаго), который императоръ Павелъ хотѣлъ ему подарить, а также отъ большого имѣнія въ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Надо было внести сто рублей для ввода во владѣніе, онъ ихъ не внесъ, и теперь на этомъ мѣстѣ выстроились города. Бумага о пожалованіи ему этого имѣнія находится у меня.

Женѣ своей онъ оставилъ по завѣщанію только то, чего не могъ ее лишить, а именно, имѣніе Вороново; все остальное пошло сыну его Андрею, такъ какъ Сергѣй Ѳеодоровичъ давно истратилъ причитающуюся ему часть наслѣдства, и имѣніе его было заложено. Впослѣдствіи его мать и братъ выкупили это имѣніе, и я расскажу, какимъ образомъ оно попало въ руки итальянцевъ.

Не найдя поддержки ни въ Брокерѣ, ни въ Булгаковѣ, Екатерина Петровна выбрала себѣ въ друзья и въ совѣтники родственника своего, князя Масальскаго. Булгаковъ говоритъ, что онъ тоже былъ католикъ, и что недоставало ему овдовѣть, чтобъ жениться на графинѣ Ростопчиной. Я тоже увѣрена, что Масальскій былъ католикъ, иначе бабушка ни за что не оказала бы ему довѣрія. Для этой отступницы, достойной быть дочерью великаго инквизитора, всѣ схизматики заслуживали смерти на кострѣ.

Но главнымъ совѣтникомъ ея былъ, разумѣется, аббатъ Малербъ, про котораго Булгаковъ пишетъ: «самый развращенный человекъ, ослѣпившій графиню до такой степени, что она ему во всемъ повинуется и ни во что не ставитъ совѣты мужа, умнѣйшаго изъ людей своего вѣка, и, признавая за свѣтило каждаго проходимца, носящаго рясу католическаго священника, преклоняется передъ нимъ».

Этотъ Малербъ нашелъ воспитателя для графа Андрея въ лицѣ нѣкоего Изара, извѣстнаго бездѣльника, котораго даже и ближайшіе его сподвижники по плутовству называли шельмой. Г. Бартеневъ предполагаетъ, что это—тотъ самый знаменитый шевалье д'Изаръ, который оставилъ записки о 1812-мъ годѣ, изданныя впослѣдствіи Ладрагомъ. И я того же мнѣнія; трудно предполагать, чтобъ могли быть въ Россіи два лица, дѣйствовавшихъ подѣ однимъ и тѣмъ же именемъ и въ одно и то же время.

Къ счастью, прозорливый Брокеръ понялъ, что такая личность, какъ Изаръ, въ воспитатели не годится, и сумѣлъ такъ припугнуть храбраго шевалье, что онъ отказался отъ предлагаемой ему обязанности. Скрѣпя сердце и, разумѣется, не совѣтуясь съ Брокеромъ, графиня взяла въ воспитатели къ сыну какого-то Ружемона, но скорѣ, отказавъ ему за неспособность, снова обратилась къ Изару. Внѣ французовъ спасенія для молодого Ростопчина не было! И «Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ» и двѣнадцатый годъ—все забылось! Впрочемъ, Екатерина Петровна милостиво объяснила опекунамъ, что беретъ Изара только на испытаніе, что съ сыномъ

ея онъ будетъ проводить не болѣе трехъ часовъ въ день, а остальное время посвятить на управленіе ея имѣніями, за что будетъ получать десять тысячъ въ годъ. Оба преданные камердинера, Феликсъ и Лебланъ, видя, въ какія руки попадаетъ молодой графчикъ, со слезами протестовали, и самъ мальчикъ очень скоро понялъ, что за человѣкъ его новый воспитатель: «Изаръ долго при мнѣ оставаться не можетъ», сказалъ онъ Булгакову. Пропшвейцарку же, по имени Турнье, которую Малербъ втеръ къ графинѣ въ компаньонки, онъ говорилъ матери: «эта негодяйка вамъ льститъ и васъ обманываетъ, не желаю я ни ея ласкъ, ни общества». Мальчику было тогда только двѣнадцать лѣтъ, но онъ уже давно не питалъ къ матери ни страха, ни любви, ни уваженія. При жизни отца онъ боялся Феликса, который состоялъ при немъ дядькой, но послѣ смерти графа никто ужъ не имѣлъ на него вліянія. Предоставивъ воспитаніе сына Изару, графиня принялась, съ помощью Малерба, сочинять письмо къ государю, въ которомъ она просила уничтожить завѣщаніе мужа и назначить ее главной попечительницей вмѣсто Брокера. Всего больше сердило ее то, что Брокеръ, чтобъ спасти отъ нея завѣтную шкатулку, отданную ему на храненіе умирающимъ графомъ, отправилъ ее въ свое имѣніе. Въ этой шкатулкѣ хранился, между прочимъ, очень важный документъ: письмо дѣда къ императору Павлу, съ отвѣтомъ на него отъ царя и вотъ по какому поводу: болѣзненно настроенный государь, по какому-то взбалмошному подозрѣнію, вздумалъ предать свою супругу, императрицу Марію Ѳеодоровну, суду сената, съ приказаніемъ осудить ее на заключеніе въ монастырь, и повелѣлъ графу Ѳеодору Васильевичу изготовить въ такомъ смыслѣ указъ. Хорошо зная несчастный нравъ душевно-больного царя, графъ ничего на это не возразилъ, но, вернувшись къ себѣ, написалъ ему письмо слѣдующаго содержанія: «Sire! Vos ordres s'exécutent et je suis occupé à composer le papier qui doit couvrir de boue tout votre règne. Puisse faire Dieu que vous n'ayez pas le malheur de le signer. Le bon Dieu vous a tout donné pour faire des heureux de votre vivant, mais vous vous rendez malheureux en vous créant des chimères et ne vous occupez qu'à écrire dans votre histoire des pages qui saliront votre règne. Gatchina. 8 Septembre 1799. Rostoptchine».

Государь отвѣтилъ на томъ же письмѣ: «Signor Rostoptchine, vous êtes un homme terrible, mais vous avez raison, qu'il n'en soit pas question! Paul» ¹⁾.

¹⁾ «Ваше величество! Приказанія ваши исполняются, и я занятъ сочиненіемъ бумаги, которой суждено покрыть позоромъ все ваше царствованіе. Господь вамъ даровалъ все для счастья васъ окружающихъ, но вы дѣлаете себя несчастнымъ, создавая себѣ химеры, и заботитесь только о томъ, чтобы вписывать въ исторію вашего царствованія страницы, которыя замачкаютъ его».

Отвѣтъ царя на томъ же письмѣ: «Синьоръ Ростопчинъ, вы—ужасный человѣкъ, но вы правы, предадимъ это забвенію».

Отецъ мой, графъ Андрей Ѳедоровичъ, передалъ это письмо, въ 1837 году, графу Бенкендорфу для доставленія государю, и на слѣдующій день графъ ему сказалъ, что государь приказалъ его благодарить. Скажу здѣсь кстати, что въ бытность свою генералъ-губернаторомъ Москвы дѣдъ мой отъ жалованья своего отказывался, и что жена его пенсіи не просила. Она скончалась 84-хъ лѣтъ, въ Москвѣ, 16-го сентября 1859 года.

Когда мой отецъ, окончательно разорившись, уѣхалъ служить въ Сибирь въ 1868 году, я осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію и жила изъ милости у брата моей матери, Сергѣя Петровича Сушкова. Тогдашній нашъ посланникъ въ Швейцаріи, добрейшій и почтеннѣйшій Алексѣй Петровичъ Озеровъ, женатый на двоюродной сестрѣ моей матери, Ольгѣ Егоровнѣ Пашковой, находясь въ гостяхъ у благоволившей къ нему великой княгини Елены Павловны, сообщилъ ея высочеству о моемъ положеніи, и великая княгиня прислала Озерову нижеслѣдующую записку, хранящуюся у меня, какъ драгоценность: «Я хлопотала за Лидію Ростопчину, и если хлопоты мои ни къ чему не приведутъ, вы можете ее успокоить, передавъ ей о моемъ намѣреніи, въ случаѣ неудачи, назначить ей пенсію въ 600 рублей въ память добраго ея дѣда».

Великая княгиня оцѣнила благородный поступокъ дѣда, спасшій государя Павла отъ роковыхъ послѣдствій необдуманной вспышки гнѣва. Разсказалъ ли ея высочеству графъ Бенкендорфъ про выше приведенное письмо, или Озеровъ, но, принимая меня, она милостиво упомянула про это обстоятельство.

Другъ моей матери, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, и графъ Александръ Владимировичъ Адлербергъ, узнавъ отъ меня, что въ просьбѣ о пенсіи мнѣ было первоначально отказано, подѣл предлогомъ, что я не круглая сирота, отправились, первый къ императрицѣ Маріи Александровнѣ, а второй къ государю Александру II, просить за меня, и я получила пенсію не въ примѣръ другимъ. Никогда не забуду я, что первый починъ мнѣ помочь былъ сдѣланъ доброю, умною, истинно великою, великою княгинею Еленою Павловною.

VI.

Управленіе Вороновымъ и уничтоженіе всего хозяйства, устроеннаго графомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ.—Мнѣніе графини о митрополитѣ Филаретѣ и о русскомъ духовенствѣ.—Возвращеніе старшаго сына.—Зачисленіе въ Пажескій корпусъ младшаго сына.—Изгнаніе семейства Брокера изъ Ростопчинскаго дома.—Искъ супруговъ Сегюръ.—Банкротство Ливіо и утрата 388 тысячъ франковъ.—Графъ А. Ѳ. даритъ ихъ сестрѣ.—Католическая семья Голицыныхъ.—Жалоба на дурное управленіе Брокера.—Онъ выигрываетъ дѣло въ сенатѣ.

Заручившись такимъ прекраснымъ управляющимъ, какъ французъ Изаръ, графиня Ростопчина принялась по-своему за управленіе имѣніемъ Вороновымъ. Графъ потратилъ много денегъ и заботъ, чтобъ привести это имѣніе въ блестящее состояніе. Онъ выпи-
 «истор. вѣстн.», февраль, 1904 г., т. хcv.

валъ изъ-за границы опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ людей, машины, развелъ прекрасный скотъ и вообще слылъ за образцоваго хозяина. При немъ за одно масло выручалось до восьми тысячъ дохода въ годъ. Графъ обращалъ особенное вниманіе на пашню. Водворившись въ доставшемся ей имѣніи, графиня тотчасъ же приказала собрать крестьянъ и, прочитавъ имъ длинное нравоученіе, уснащенное напоминаніями о дьяволѣ, отпустила ихъ всѣхъ на оброкъ за двадцать рублей съ души. Потомъ она принялась продавать лѣсъ и скотъ за ничто и выгнала управителя Шрама, старика, прослужившаго двадцать лѣтъ ея мужу вѣрой и правдой. Оставъ она все попрежнему, имѣніе давало бы 50 тысячъ доходу, но у нея была одна только забота—скорѣе уничтожить все, созданное мужемъ. Впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она перебрала у Брокера 36 тысячъ на католическую церковь и на аббата Малерба, нагло льстившаго ей, называя ее святой праведницей, истинной матерью церкви. Надо же было поддержать такую лестную репутацію! Сыну своему она запретила посѣщать своего опекуна, живущаго въ одномъ съ ними домѣ, прекраснаго семьянина и примѣрнымъ образомъ воспитывавшаго своихъ дѣтей. Митрополита Филарета она во всеуслышаніе называла свиньей, а священниковъ нашихъ—пьяницами, прибавляя къ этому, что спастись можно только въ католической вѣрѣ.

Въ концѣ октября вернулся въ Москву ея старшій сынъ, Сергѣй Федоровичъ, и тотчасъ же явился къ А. Я. Булгакову, чтобъ переговорить о братѣ, признавая, что онъ окончательно пропадетъ, если долѣе останется съ матерью. Постоянное баловство довело мальчика до того, что онъ избилъ своего гувернера и чуть было не выкололъ ему глазъ. Никто не смѣлъ не только его наказывать, но даже дѣлать ему выговоры. Мать во всемъ ему потворствовала, въ надеждѣ заставить его перемѣнить вѣру, а до того времени его не обучали никакой религіи, и графиня на отрѣзъ запретила старшему сыну приглашать законоучителя къ брату. Напрасно старались ей доказать, что она поступаетъ наперекоръ российскимъ законамъ, она оставалась неумолима, заставляла Андрюшу каждый день читать житія католическихъ святыхъ, что страшно ему надоѣдало, и посылала его въ католическую церковь, гдѣ онъ скучалъ и, слыша, какъ мать его постоянно осуждала православную религію, отсталъ и отъ нея, не приставъ къ той, которую ему навязывали почти силой. За этотъ непоправимый грѣхъ нельзя не винить особенно строго графиню Екатерину Петровну: она не только разорила сына, но вырвала изъ души его, вмѣстѣ съ вѣрой въ Бога, всѣ корни добра.

Къ счастью, во время коронаціи, Булгаковъ переговорилъ съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ насчетъ печальнаго положенія младшаго сына графа Ростопчина, а другой

опекунъ, Нарышкинъ, съ своей стороны тоже дѣйствовалъ, и, къ величайшей радости Брокера и Феликса, графиня получила письмо отъ младшей своей сестры, горбатой графини В. П. Протасовой, въ которомъ ее увѣдомляли, что младшій сынъ будетъ отъ нея взятъ, и что государь, въ ознаменованіе особаго уваженія къ памяти покойнаго Федора Васильевича, беретъ на себя его воспитаніе. Можно себѣ представить, какой это былъ для нея ударъ! Однако надо было покориться, и она написала государю, что просить оставить у нея сына еще на нѣкоторое время для окончанія его «религіознаго воспитанія». Но такъ какъ именно во избѣжаніе этого и отнимали у нея сына, то на просьбу ея не обратили вниманія.

Въ этомъ она потерпѣла неудачу, но зато ей удалось сорвать злобу на Брокерѣ, котораго вслѣдствіе ея жалобы принудили оставить домъ Ростопчиныхъ черезъ полицію, опечатавъ предварительно всѣ его вещи и еще въ такое время, когда жена его была тяжело больна. Онъ былъ тогда уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и управлялъ дѣлами молодого графа такъ удачно, что, невзирая на удовлетвореніе постоянныхъ требованій графиней денегъ, ему удалось, въ первый же годъ своего управленія, отложить сумму въ сто двадцать тысячъ. Разставаясь съ сыномъ, графиня не могла больше пользоваться доходами на его содержаніе и воспитаніе, и съ притворнымъ смиреніемъ всѣмъ повторяла, что на жизнь ей остается теперь очень мало, что она должна жить въ лачугѣ и сократить всѣ свои расходы.

Въ то время у нея начались серьезныя непріятности съ любимой ея дочерью Софьей и съ ея мужемъ, Сегюромъ.

Кромѣ прелестнаго имѣнія въ Нормандіи, стоимостью въ сто тысячъ франковъ, роскошнаго приданаго, брильянтовъ и прочаго, графъ далъ дочери при ея замужествѣ 435 тысячъ рублей векселями, на имя банкира Ливіо. Векселя были отправлены Ливіо въ Парижъ. Сегюры извѣстили графа о ихъ полученіи, и графъ скончался, не узнавъ, что изъ всей суммы Сегюръ нашелъ нужнымъ взять только 55 тысячъ, остальное же оставить у Ливіо, не подавъ векселя къ протесту, чтобъ не уплатить пошлины. Ливіо обанкротился вскорѣ послѣ смерти графа, и въ свое время инцидентъ этотъ надѣлалъ много шума и горя и Москвѣ, о чемъ мнѣ не разъ случалось слышать. Графиня Сегюръ прислала Брокеру печатное заявленіе какого-то парижскаго адвоката, требовавшаго уплаты потерянныхъ за Ливіо его довѣрительницей суммъ, изъ имѣнія несовершеннолѣтняго Андрея Федоровича. При этомъ, обходя молчаніемъ имѣнія матери и старшаго брата и не считая нужнымъ справляться съ русскими законами, адвокатъ надменно заявлялъ, что такъ принято поступать во Франціи, и что такой взглядъ на вещи обязателенъ для всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Домогательство

это, конечно, осталось безъ послѣдствій, малолѣтняго Ростопчина ограбить не удалось, и развязному адвокату отвѣтили, что когда наслѣдникъ будетъ совершеннолѣтній, то можетъ подарить хотя бы все свое состояніе сестрѣ, но до тѣхъ поръ распоряжаться ничѣмъ не имѣетъ права. «Насколько намъ извѣстно, молодой графъ Андрей, по совершеннолѣтіи, уплатилъ своей сестрѣ, графинѣ Сегюръ, требуемыя ею деньги», пишетъ Булгаковъ брату.

Это совершенно вѣрно. Когда моя тетка Софья Ѳедоровна, умная и добрая женщина, но порабощенная мужемъ, завладѣвшимъ всѣмъ ея состояніемъ и не дававшимъ ей ни гроша (вслѣдствіе чего у нея развилась страсть къ деньгамъ, если не для себя лично, то для дѣтей), продала свое имѣніе въ Нормандіи, я гостила у замужней ея дочери, Ольги Евгеніевны Симаръ де-Питре, по близости бывшаго имѣнія ея матери, и въ моемъ присутствіи новый владѣлецъ, г-нъ Бодо, привезъ ей однажды нѣсколько картонокъ, забытыхъ ея матерью въ одномъ изъ шкафовъ бібліотеки. Картонки эти оказались набитыми семейными бумагами, которыми мнѣ поручили привести въ порядокъ, и я нашла между ними нѣсколько писемъ дѣда и бабушки, литографированное дѣло Ливіо во множествѣ экземпляровъ и письмо графини де-Сегюръ къ брату (который былъ на 16 лѣтъ моложе ея), съ подобострастной просьбой уплатить потерянные вслѣдствіе банкротства Ливіо деньги, прибавляя къ этому, что это съ его стороны будетъ милость, а не исполненіе долга. Тутъ же находился и отвѣтъ малолѣтняго графа, съ обѣщаніемъ исполнить ея просьбу, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія, а также письма бабушки, въ которыхъ, невзирая на все свое пристрастіе къ меньшей дочери, она укоряетъ ее въ жадности, скупости и опрометчивости относительно Ливіо. У отца моего былъ ужасный характеръ и вполне необузданный нравъ, но сердце у него было благородное, и доказательствомъ его щедрости служить множество обогащенныхъ имъ людей, въ ущербъ собственныхъ его дѣтей.

2-го ноября, вскорѣ послѣ своего изгнанія изъ Ростопчинскаго дома, Брокеръ получилъ отъ графини письмо, съ извѣщеніемъ о необходимости ей ѣхать въ Петербургъ, чтобы отвезти сына въ лицей. «Затѣмъ,—пишетъ Булгаковъ брату,—она, какъ другая Крюднерша, проповѣдуетъ ему молиться о спасеніи его еретической души и кончаетъ, какъ всегда, требованіемъ денегъ». Отличительная черта католиковъ—ихъ вѣчная тревога о чужихъ душахъ, о спасеніи которыхъ они хлопочутъ несравненно больше, чѣмъ о своей собственной, но бабушка доводила это стремленіе до крайности и въ этомъ отношеніи переходила всякія границы приличія и уваженія къ чужой личности. Во всякую еретическую душу готова она была ворваться съ мечомъ въ одной рукѣ и со знаменемъ, украшеннымъ изображеніемъ дьявола, въ другой. Это знамя

никогда ея не покидало; неизмѣнный рогатый спутникъ постоянно украшалъ собою всѣ ея рѣчи и письма. Не смѣю думать, чтобъ она позволила себѣ пригрозить имъ императору Николаю Павловичу, знаю только, что въ письмѣ къ нему по поводу помѣщенія сына въ лицей она осмѣлилась выразить мнѣніе, что изъ заведенія этого выходятъ одни только повѣсы. Государь поручилъ князю А. Н. Голицыну ей отвѣтить, что онъ не раздѣляетъ ея мнѣнія на этотъ счетъ, но, не желая ей противорѣчить, приказываетъ помѣстить ея сына въ Пажескій корпусъ.

Въ то самое время, когда участь молодого Ростопчина рѣшалась такимъ благопріятнымъ для него образомъ, родная племянница его матери, княжна Голицына, имѣніемъ которой управлялъ грекъ Метакса, уѣхала во Францію и поступила тамъ въ монахини, со взносомъ въ 60 тысячъ рублей. Всѣ ея братья и сестры тоже перешли въ католичество, поженились и вышли замужъ за французовъ. Была между ними графиня Бертье и какая-то польская пани, Августинъ Голицынъ, отецъ красавицы герцогини де-Шобра, героини скандальнаго процесса, и братъ его Антоній, всѣ они жили и умерли въ Парижѣ. Ихъ младшій братъ Петръ, окрещенный сначала въ православную вѣру, потомъ окатолизованный матерью и бабкою, былъ снова обращенъ въ православіе, затѣмъ опять со-вращенъ матерью и наконецъ самъ не зналъ, къ какому вѣро-исповѣданію онъ принадлежитъ: христіанинъ онъ или язычникъ. Когда онъ женился въ Москвѣ, его вѣнчали въ православной церкви и въ католической киркѣ, и только впоследствии оказалось, что сдѣлали ошибку, потому что онъ православный. Тестъ его жаловался на это всему городу, а молодой отшучивался тѣмъ, что онъ и счетъ потерялъ своимъ переходамъ изъ одной вѣры въ другую.

До отъѣзда своего въ Петербургъ графиня Ростопчина занималась тѣмъ, что скупала векселя своего старшаго сына. По наущенію совѣтниковъ своихъ, она купила, между прочимъ, за 14 тысячъ вексель, за который Сергѣй Ѳедоровичъ получилъ всего только три тысячи и все въ томъ же родѣ. А между тѣмъ оклеветанный ею Брокеръ подалъ въ дворянскую опеку такой удовлетворительный отчетъ, что предводитель Вырубовъ заявилъ, что такой примѣрной опеки ему никогда не случалось видѣть. Проиграла графиня свое дѣло противъ этого достойнаго человѣка и въ сенатѣ, а комитетъ министровъ отказалъ ей въ просьбѣ замѣнить опекуна Нарышкина Масальскимъ.

VII.

Графъ Андрей Ѳеодоровичъ въ Пажескомъ корпусѣ и въ кирасирскомъ полку.—Предполагаемый бракъ на сорокалѣтней полькѣ.—Раздробленные брилліанты и ихъ исчезновеніе.—Картинная галлерей графа.

Молодой графъ Ростопчинъ поступилъ въ Пажескій корпусъ и порученъ былъ почтенному Лонгинову, женатому на двоюродной сестрѣ покойнаго графа, Крюковой. Графиня же вернулась въ Москву, гдѣ наняла себѣ домъ по сосѣдству съ Масальскими.

По мнѣнію Булгакова, «она теперь, разставшись съ сыномъ, могла бы поступить хоть въ кухарки къ папѣ», но она предпочла сдѣлаться дойной коровой аббатовъ католической церкви. Оставимъ ее въ этой скромной, но убыточной должности, чтобъ сказать нѣсколько словъ о ея младшемъ сынѣ, котораго она такъ успѣла испортить въ два года пребыванія подъ ея вліяніемъ, что изъ него вышелъ неисправимый мотъ и шалопай. Уже съ шестнадцати лѣтъ онъ началъ мотать, уплатилъ сестрѣ 20 тысячъ и требовалъ у Брокера, поступая въ военную службу, 40 тысячъ.

Я хорошо помню его разсказъ о томъ, какъ, оставшись однажды одинъ въ кабинетѣ директора Пажескаго корпуса и найдя на столѣ метрическое свое свидѣтельство, онъ тутъ же лежащимъ перочиннымъ ножомъ выскоблil цифру 3 и замѣнилъ ее цифрой 2 въ годъ своего рожденія и, возмущавъ такимъ образомъ на годъ впередъ, вошелъ раньше, чѣмъ слѣдовало, во владѣніе состояніемъ.

Поступилъ онъ въ гатчинскій кирасирскій полкъ и обратился къ Брокеру съ требованіемъ 50 тысячъ, грозя застрѣлиться въ случаѣ отказа, при чемъ онъ клялся, что деньги эти ему нужны не для уплаты карточного долга. Брокеръ отвѣчалъ, что онъ обязанъ честнымъ словомъ передъ его покойнымъ отцомъ не выдавать ему до совершеннолѣтія болѣе той суммы, что опредѣлена была на его содержаніе. Оказалось, что былъ данъ вексель личности, имени которой молодой графъ выдать не хотѣлъ. Скрытность эта очень тревожила Брокера; онъ боялся, чтобъ пылкій необузданный юноша не попалъ въ одно изъ тайныхъ обществъ, существовавшихъ тогда въ столицахъ и строго преслѣдуемыхъ правительствомъ. Онъ ошибался: отецъ мой никогда не принадлежалъ къ тайнымъ обществамъ, но онъ любилъ женщинъ и карты, и началъ очень рано кутить, а довѣрчивостью его и добротою всякій пользовался, кто только могъ. Въ невѣстахъ, навязываемыхъ ему, разумѣется, недостатка не было, и 17-ти лѣтъ отъ роду онъ чуть было не женился на матери одного изъ своихъ товарищей, который былъ намного его старше. Съ другой стороны подыскивала ему жену и его мать и нашла таковую въ лицѣ польки и католички. Дѣло зашло такъ далеко, что отецъ мой показывалъ уже

см. IV. стр. 399

своимъ пріятелямъ брильянты, приготовленные имъ для невѣсты, и тогда одинъ офицеръ сознался ему въ своей связи съ этой самой невѣстой. Возбѣшенный такимъ открытіемъ, молодой графъ схватилъ шкатулку съ драгоценностями, выбросилъ изъ нея все на полъ и растопталъ ногами, затѣмъ вышвырнулъ обломки въ окно, въ снѣгъ, дѣло было зимой. Присутствующіе выбѣжали подбирать эти драгоценные обломки, но не всѣ принесли назадъ то, что нашли.

Фактъ этотъ былъ подтвержденъ генераль-адъютантомъ Гоге-лемъ, бывшимъ товарищемъ отца по корпусу, и онъ же рассказывалъ, что отецъ мой приходилъ не разъ къ Гатчинскому пруду въ сопровожденіи двухъ солдатъ, съ мѣшками, наполненными серебряными рублями, которыя онъ для забавы бросалъ въ воду. Забава эта можетъ служить эмблемой его жизни: чванливаго швырнянія деньгами. Будучи еще пажомъ, онъ зимой ѣлъ на дворѣ своего опекуна, Лонгинова землянику и кормилъ ею свою лошадь. Увидѣвъ это изъ окна, жена Лонгинова, Марья Александровна, замѣтила ему, что грѣшно давать животному такое дорогое лакомство, и онъ немедленно, пославъ камердинера за большимъ блюдомъ земляники къ Елисеѣву (стоило это въ то время 150 рублей), велѣлъ подвести свою лошадь подъ то окно, у котораго сидѣла его тетка, и далъ лошади опорожнить все блюдо. Понятно послѣ этого, что состоянія, оставленнаго ему отцемъ, хватило не надолго.

50 тысячъ требовались имъ у Брокера, вѣроятно, для женитьбы на старой полькѣ, сосватанной ему его матерью. Что же касается до брильянтовъ, вынутыхъ большей частью изъ табакерокъ, изъ которыхъ одна, пожалованная дѣду австрійскимъ императоромъ во время Суворовской кампаніи, была оцѣнена въ 75 тысячъ рублей, брильянты эти были самымъ наглымъ образомъ похищены извѣстнымъ антикваріемъ и ростовщикомъ В. К. въ Москвѣ. Мы жили тогда на Спиридоновкѣ, въ домѣ Рахманова. Теперь это большой трехъэтажный домъ Раевского, а тогда домъ этотъ представлялъ изъ себя особнякъ со множествомъ флигелей для службъ. Отецъ пригласилъ къ себѣ В. К. и отдалъ ему деньги, которыя онъ у него занялъ подъ залогъ брильянтовъ. В. К. преспокойно положилъ деньги въ карманъ и, не возвращая векселя, взялъ назадъ шкатулку съ драгоценностями и направился къ двери. — А вексель мой? — закричалъ озадаченный отецъ. — А вы развѣ его у меня спросили? — отвѣтилъ наглый мошенникъ и быстро вышелъ. Я помню, что мать моя не разъ упрекала отца за то, что онъ не выбѣжалъ за нимъ и не приказалъ людямъ задержать вора. Отецъ жаловался, но такъ какъ свидѣтелей этой наглой продѣлки не было, то брильянты пропали безслѣдно.

Впослѣдствіи, послѣ смерти В. К., сынъ его втерся въ довѣріе моего отца, и когда этотъ послѣдній вздумалъ продавать свою драгоценную картинную галерею, онъ послалъ ее въ Парижъ съ этимъ достой-

нымъ сыномъ вора, не взирая на просьбы маменьки, по крайней мѣрѣ, застраховать ввѣряемые такъ опрометчиво драгоценности. Отецъ разсердился на эти совѣты, увѣряя, что считаетъ молодого В. К. за честнѣйшаго человѣка. Вскорѣ было получено извѣстіе, что вслѣдствіе сильной бури корабли, нагруженные картинами, потерпѣли крушеніе въ Балтійскомъ морѣ, и что удалось спасти только нѣсколько ящиковъ, которые перевезли обратно въ Петербургъ, и которые находятся въ таможнѣ.

Сконфуженный отецъ, сообщивъ женѣ о случившемся, поспѣшилъ въ Петербургъ. Въ письмѣ, у меня уцѣлѣвшемъ, онъ рассказываетъ, что, когда внесли къ нему спасенные ящики, онъ былъ пораженъ стукомъ картинъ, колотившихся одна о другую рамами. А между тѣмъ укладывали ихъ въ его присутствіи въ ящики, нарочно для нихъ заказанные по размѣрамъ каждой изъ нихъ. Оказалось, что предусмотрительная буря позаботилась переложить ихъ такимъ образомъ, чтобъ поглотить самыя лучшія, а остальные кое-какъ размѣстить по ящикамъ, не соображаясь съ ихъ величиной. Эти жалкіе остатки богатѣйшей галлерей отецъ продалъ за 46 тысячъ рублей. Когда во время коронаціи государя Александра II насъ съ сестрой привезли на маленькій балъ къ французскому послу, графу де-Морни, мы въ одной изъ гостиныхъ остановились въ изумленіи передъ картинами, украшавшими стѣны. — Нашъ Вато! Нашъ Вуверманъ! — вскричали мы. — Откуда у васъ эти картины, графъ? — обратилась наша мать къ хозяину дома. Онъ отвѣчалъ, что купилъ ихъ на какомъ-то аукціонѣ и заплатилъ за нихъ очень дорого. И дѣйствительно картина Вато очаровательна и меньше ста тысячъ не могла стоить. Дѣло этимъ и кончилось.

Графиня Л. А. Ростопчина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

